

КРОКОДИЛ

Рис. Ю. Ганфа.

НЕОСТОРОЖНЫЙ СОСЕД.

РУМУНИЯ:—И чего смотрит Лига Наций! У меня накопилось столько взрывчатого материала—а этот парень под боком разводит огонь революции.

Рис. К. Ротоса.

По слухам, в Америке строится новый сверх-сверх-цеппелин для сообщения с Европой через океан. Размеры этого сверх-сверх-сверх-и т. д., таковы, что его один конец будет находиться в Америке, а другой — в Англии. Вы спросите: как же будет производиться сообщение? Оно будет производиться прямо на автомобилях по цеппелину.

ЗАЩИТНЫЙ ЦВЕТ.

Секретарь совсем было собрался уходить, когда зав. задержал его и осторожно притворил дверь кабинета:

— Сергей Семеныч, дорогой... Вы... это... обратили бы внимание на свой костюм.

— А что такое?

— Да уж очень вы... того... Вон цветная жилетка, пиджак в рюмочку, платочек из кармана... Прямо лорд Керзон какой-то... Я, конечно, понимаю, — человек вы молодой. Но... кстати, читали в газетах статьи по поводу роскоши? О партийцах в особенности говорится.

— Александр Данилович, да ведь я...

— Знаю, знаю, дорогой! Но все-таки примите к сведению. У нас — учреждение. И учреждение рабоче-крестьянское. Поняли? Надо соблюдать известную грань. Кстати, было бы очень хорошо, если бы вы внушили и там, в канцелярии... так, слегка, понимаете... насчет одежды. Ведь у нас в комнате машинисток прямо какое-то ателье мод! Нельзя же все-таки!

— Александр Данилович, да ведь я...

— Понимаю, понимаю! Отлично понимаю! Вы хотите сказать, что учреждение наше, так-сказать, не приходит в непосредственное соприкосновение с массаами? Так? Это не имеет значения. Пора оставить эту казовую сторону. Надо внедрить побольше скромности вообще в наш быт. Посмотрите фотографии наших вождей: Чичерин, например, принимает послов в простом красноармейском костюме. И мы должны, так, сказать... Ну, само собой разумеется, что вне службы и вы, и все прочие могут одеваться, как им заблагорассудится... Но в учреждении... в учреждении... мм... Кстати, что это за одеколон, которым от вас постоянно пахнет?

— Это „Свит-Пи“. Душистый горошек. Я... я теперь буду употреблять простой... тройной...

— Нет, зачем же? Запах совсем не плохой... „Свит-Пи“, вы говорите?.. Что я хотел еще сказать?.. Ах, да! Так вы распорядитесь там...

— Слушаю.

И секретарь, слегка покрасневший, выскользнул из кабинета, чтобы тут же шепнуть несколько слов заведующему канцелярией. Завканц в свою очередь сейчас же вызвал старшего делопроизводителя и имел с ним продолжительную беседу. А к концу занятий, машинистки, собираясь домой, усиленно перешептывались:

— Мусенька, у меня есть шуба старая пре-ста-рая. Хотите, я вам уступлю?

— Спасибо, я выверну мамино пальто.

— Я ни за что не хочу ломать этот маскарад. Неужели придется душиться этими противными пачулями? Ни за что!

— А вы слышали, что он сказал?

— Что?

— Он определенно сказал: со-кратят! Поняли?

Через месяц зав, просматривая бумаги, заметил секретарю:

— Сергей Семеныч, дорогой... Может-быть, это и не мое дело, но позвольте сказать вам отечески...

— Что такое?

— Обратите вы внимание на свой костюм! Ведь это позор! Манжеты — в бахромах, рукава протерты, жилетка закапана, сапоги какие-то неуклюжие, скрипят... Ведь вы получаете приличную ставку...

— Александр Данилович... Да я...

— Знаю, знаю, дорогой. Если мало, мы прибавим вам. Ведь вы человек молодой, — стыдно вам... А к тому же... читали в газетах? Там говорится о том, что пора нам бросить глупое мнение, что коммунист должен быть обязательно вахлаком, нищим и оборванцем. Мы должны не только догнать, но и обогнать Европу...

— Александр Данилович... Да ведь я...

— Понимаю, понимаю! Отлично понимаю. Заранее знаю все ваши возражения. Но, ведь, мы учреждение государственное, рабоче-крестьянское. Мы должны быть... ээ... на высоте, чтобы каждый приходящий чувствовал... Ведь у нас и иностранцы бывают. Пора нам оставить эту глупую полунищенскую казовую сторону... Тут я видел фотографию: прием посла. Так там все наши советники и референты одеты с иголочки... И мы должны, так-сказать... Ну, разумеется, дома и вы, и все прочие могут одеваться, как им угодно... Но на службе... Кстати, вы не намекнете так, слегка, там в канцелярии... Ведь у нас там прямо деревня какая-то... овчинные полушубки! Пахнет псиной... Неудобно... Да и у вас от ног, простите, неприятно пахнет. Рекомендую вам особый порошок — гальманин. Стоит пустяки... Н-ну-с... Вот и все... Так вы примете к сведению?

— Хорошо...

И секретарь, густо покрасневший, выскользнул из кабинета, чтобы тут же шепнуть несколько слов завканцу...

* * *

А еще через полтора месяца зав пришел в смазных сапогах со скрипом и...

Вас. Лебедев-Кумач.

НЕОБДУМАННЫЙ ПОСТУПОК.

...и бежали Иосиф-плотник и Мария, спасая младенца от избиения. И обратили стопы свои к Египту. И встретился им среди ночи неизвестный египтянин, и спросил их:

— Куда вас нелегкая несет?

И отвечал Иосиф-плотник:

— Бежим, спасаемся.

— Куда бежите?

— Как по евангелию полагается... в Египет.

— От кого спасаетесь?

— От Ирода!..

И сказал египтянин:

— Эх, темнота! Газету не читаете. Англичане теперь в Египте. Щенок ваш Ирод перед этими Иродами.

Тов. Крокоры!

„Крокодил“ ждет от вас свежей пицци для своих вил.

Пишите о совдураках, разгильдяях и прочих фруктах.

Все с'едим!

Редакция „Крокодила“.

Примечание. А художорам — чтобы рисовать!

НА РАЗНЫХ ПОЛУШАРИЯХ.

Бандит Франц Гальс сидел в тюрьме Сан-Франциско и ожидал смерти на электрическом стуле за свои многочисленные и тяжкие преступления. Завтра — казнь. Спасенья нет. Губернатор Калифорнии отверг его просьбу о помиловании.

Завтра он станет трупом. А прекрасная Мэри, его жена, станет вдовой и богатой женщиной: жизнь Франца Гальса застрахована в 100.000 долларов в страховом обществе „Жизнь и Смерть“.

Гальс заскрежетал зубами. Его глаза метали молнии, а уста — богохульства и удушливые газы. В изнеможении он бросился на узкую тюремную койку и заснул свинцовым сном.

На Бродвее, в 66 этаже небоскреба, сплошь заполненного конторами страховых обществ, несмотря на глубокую ночь, горел электрический свет. Директор страхового общества

„Жизнь и Смерть“ совещался со своим помощником.

— Неужели мы выплатим вдове Франца Гальса 100.000 долларов? — сказал мрачно директор. — Пусть лучше отрубят мою голову и плюнут мне ею в глаза! Ни одного цента вдове! Мы подкупим тюрьму, прессу и суд и добьемся замены смертной казни пожизненным заключением.

А через три часа мальчишки-газетчики выкрикивали заголовки ночных газет:

— Ночное прибавление к „Ивнинг Стар“! Франц Гальс не будет казнен! Врачи находят, что он невменяем!

В своем изящно убранном будуаре Мэри Гальс просматривала утренние газеты, занимаясь одновременно маникюром. Вдруг она ведрогнула.

— Франц не будет казнен! И я не получу 100.000 долларов! Никогда!

Через 58 секунд авто мчал Мэри Гальс на деловое свидание с ее адвокатом.

— Спасите меня и 100.000 долларов! — завопила Мэри Гальс, врываясь в кабинет знаменитого законника. — Неужели страховое общество „Жизнь и Смерть“ сильнее, чем американское правосудие? Я отдала бы...

Завонил радиоприемник. Адвокат снял трубку радиоаппарата. Послышались отчетливые звуки мощной московской радиостанции:

— Госстрах бесплатно застраховал жизнь селькора Лапицкого, которого угрожали убить кулаки, за его разоблачения в газетах...

Адвокат улыбнулся:

— Какие чудачки эти москвиты! Мы платим репортерам, чтобы остался жив бандит, а они бесплатно страхуют репортеров от бандитов!

С. Розеноер.

Рис. К. Елисева.

НЕТ БУКВАРЕЙ.

— Вот, дети, это буквы „н“ и „о“. Запомните хорошенько. А сейчас мы пойдем в другое место, я вам покажу, как пишется буква „у“.

КУЛИДЖ ПЕРЕИЗБРАН.

Рис. Ив. Малюткина.

Американский президент Кулидж снова избран, благодаря членству, который повысил цены на хлеб, обогатил фермеров и сделал их сторонниками республиканской партии.

— Дорогие господа избиратели! Мое пожелание на будущий год: чтобы у нас, в Америке, хлеб стоил подороже, а вы, господа избиратели, — подешевле.

НА КАТКЕ.

У рабфакówki у Зинки
Крепко врезаны пластинки
В каблук.
Пусть разорваны ботинки
У рабфакówki у Зинки—
У нее в руках коньки!
Ни в кино, ни к Мейерхольду
Нынче Зинка не пойдет,—
Будет вихрем бегать по льду.
Будет звонко резать лед...
Ну, скорее на трамвай—
Не зевай!
Гормоши людской поток
На каток! На каток!

Барабан стучит!
Дуйте лучше трубаки!
Нынче праздник на катке,
В ледяном горошке.
Люди, как чанки в блюде,
Вокруг катка легко несутся
По дорожке беговой;
Флаги вьются,
Льются,
Бьются
Высоко над головой...
У закованной реки
Ждут в теплшке огоньки,
Манит крепкий синий лед.
Ноги сделались легки...
Поскорей одеть коньки...
Вот!

— Ой, Петров, я упаду!
Глупый! Ну куда несется!
Вдруг ремень с ноги сорвется
На ходу!
Разобьюсь тогда на льду.
Я устала. Стойте! Ну же!
Вой туда, под елку, в тень...
Затяните мне потуже
Мой ремень!
Спину гнет Петров душой.
— Не на этой, на другой!
Вот тюлень!
Зинке жарко. Часте дышет,
Щеки алы, как заря.
А Петров, поджавшись, шнурет
Возле лавки вензеля.
На ходу
Вывел четкую звезду,
А потом быстрой волчка
Бук у „Зе“ влетает в „Ка“.
Буква „Ка“ не без причин!
Звать Петрова—Константию.

Вас. Лебедев.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛОХАНКА.

ТЕЛОМ О СТЕНКУ.

„Московский Служащий“, журнал губотдела совработников, преподносит своим читателям также „армянские загадки“:

„Грома ниже,
Ниже звуки
Б-б-ба-бах-х-х!
В домах
О каменные стены старики и старухи
Бьют тела свои впопыхах“

В чем дело? Старики и старухи, оказывается, молятся.

„Ряды ж позолоченных пугал
Молчат в паутине „волны“.

Суля по тому, что волна гуляет по квартире, необычное моление имело место в Ленинграде в дни наводнения. А вообще — непонятно все это. Религия, конечно, опиум для народа, но зачем же стены старушечьими телами крушить? От этого уныток жилищариществу!

ОПЫТНЫЕ ХОЗЯЙКИ И МАЛООПЫТНЫЙ ФЕЛЬЕТОНИСТ.

В том же номере того же журнала Л. Рутковский живописует „первый блин“, который опытные хозяйки обычно выбрасывают в помойку, или отдают в наказание собаке“. Блин этот, оказывается, „как замазка, лязгает на зубах“. Услышать лязг блина (замазки тож) удается не каждому. Фельетонисту „Московского Служащего“ определено повезло.

Кстати: фельетон его называется „Блины комом“. Опытные редакторы обычно бросают такие „блины“ в редакционную корзину, или возвращают, в наказание, автору.

С.

„МЫ ПАХАЛИ!“

(Бывают такие случаи...)

Всей фигуркой беспардонно
Опершись на РКП,
Вид приняв Наполеона,
Комсомолец рек толпе:
— Славят многие за дело
РКП больш виком
И хвалу поют ей смело...
Только я, брат, не таков!
„Я — не радуюсь умильно,
И скажу я тем и сем:
РКП была б бессильна
Без меня — РКСМ!
„Пышных слов я не любитель,
Я — поклонник простоты.
Что там — „старший наш учитель“!
Лучше просто: „Я, да ты!“

Дарвалдай.

В Ц.К.К.

— Вот вы, говорят, склоку затеяли?
— Да, ни боже мой... Только, как я
решил с ними посчитаться, то я их всех
и перессорил... Какая же это склока?..

КИСЛОЕ СЛОВО.

Сейчас же после того, как Маклаков вынужден был отдать ключи от посольства в Париже, он подошел к торговцу папиросами.
— Какие у тебя есть хорошие папиросы?
— Посольские.
Услышав это слово, Маклаков с достоинством вздохнул и удалился.

НОВЫЙ БУРЖУА.

I.

Некто Никанчиков, член РКП, познакомился с новым буржуа случайно, в порядке очередной хозработы. В том же порядке ему привелось, как-то раз, заехать к новому знакомому на дом.

В своем кругу Никанчиков говорил:

— Тут решительно ничего такого. Говорят, вот, что многие из советских писателей никогда не в даги рэбочих и списывают их с серебряного полтинника... Это плохо. Но еще хуже, что многие наши ответственные работники никогда не вилали вблизи настоящего нэпмана. Можно не знать своих, но врага надо знать! Иначе, как с ним бороться?

II.

Через несколько дней Никанчиков рассказывал в своем кругу:

— Некоторые представляют себе, что новый буржуй толстопуз, красноморд, несет длиннополый сюртук, молится Николе угоднику и ругает матерно Советскую власть. Вот уж ничего-то похожего! Смотрю, знаете: обстановка хоть и дорогая, но без всяких там позолот и икрустаций, на самом хозяине — скромная такая толстовка, на толстовке — ОДВФ... На стене — большой портрет Дзержинского: не потому, конечно, что ГПУ, а потому, что ВСНХ. Словом, в общем и целом, вполне прилично.

III.

Через месяц Никанчиков повествовал (опять, конечно, в своем кругу):

— ... Как-то неловко, знаете, отказаться: остался „на чашку чаю“. Но, в сущности, почему же и не остаться? Люди вполне лояльные и, в общем и целом, на нашей стороне... Уверю вас! Нэпман-то — нэпман, но, знаете, он рассуждает вполне резонно. „Разве я рад? — говорит. — Но ведь ни в союз, ни на службу меня, — говорит. — не примут, так надо же чем-нибудь жить?“ И, знаете, ведь, отчасти, он прав!

IV.

По прошествии времени, Никанчиков не только пояснял и доказывал, но даже удивлялся:

— .. В конце-концов, у нас совершенно неправильное представление. Вообразите себе: ужин, несколько человек гостей, ну, конечно, выпивка умеренная и все такое... Но о чем же они разговаривают?.. Вы думаете — о товарах, о ценах, о коммерческих оборотах? Ничего подобного! О партийных вопросах, — вот о чем разговаривают! Между прочим, — и по пов ду откликов на „Уроки Октября“.. Но не в дискуссионном, так сказать, духе, а... как бы вам объяснить?.. То есть, просто даже удивительно! „Мы, — говорят — не можем судить, кто виноват, кто прав, и политикой мы ни зани-

Рис. К. Елисева.

ПО ПРИВЫЧКЕ.

— Читали вы, как Томский-то, на с'езде, насчет циркуляров? Циркуляр, — говорит, — это враг профдвижения!

— Да, да, это замечательно верно! Надо будет обязательно разослать об этом циркуляр.

маемся, но зачем же, — говорят, — такие резкие выпады в печати? Мы, — говорят, — привыкли крупных вождей уважать, и нас такая несдержанность возмущает! Вот! А вы говорите — нэпманы!.. Да разве, даже с марксистской точки зрения подходя, — да разве человек виноват в том, что он нэпман?..

V.

Месяца через три Никанчиков спорил, волновался и раз'яснял непонятливым:

— Ну, хорошо: нэпман, буржуа и так далее... Но если дочь этого нэпмана жаждет образования, то почему я не должен за нее ходатайствовать? И.. и... он прав, этот, как вы выражаетесь, „буржуй“. Он верно говорит, что коммунисты бывают разные: есть среди них фанатики, но есть и люди с более широким кругозором. Может быть, сам он и далек от коммунизма, но во мне он ценит именно этот широкий кругозор!.. Вы что думаете: он, этот „буржуй“, ненавидит нас? Волком смотрит? Да я, коммунист, — самый почетный и дорогой для него гость!..

VI.

А еще по прошествии времени Никанчиков... нет, впрочем, не Никанчиков. Еще по прошествии времени знакомый Никанчикова, новый, лояльный буржуа, говорил в своем кругу:

— Эту сволочь, Никанчикова, оказывается, из партии выгнали. И скрывал, ведь, подлец! Теперь не принимаю прохвоста. Обидно даже, ей-богу: сколько ж я на него угощений и времени stráвил!.. Начиная теперь опять сначала: нового надо приручать. И, что хуже всего, господа: настоящего, прочного не приручишь, а этакое... уж и не знаю, не себе ли дороже?..

Грамен.

От издательства „Рабочая Газета“.

В № 22 (102) журнала „Крокодил“ от 15 ноября 1924 года напечатано было объявление о подписке на „Рабочую Газету“ за ноябрь — декабрь.

По недосмотру в объявлении этом ошибочно напечатаны условия подписки, относящиеся к полугодовым подписчикам.

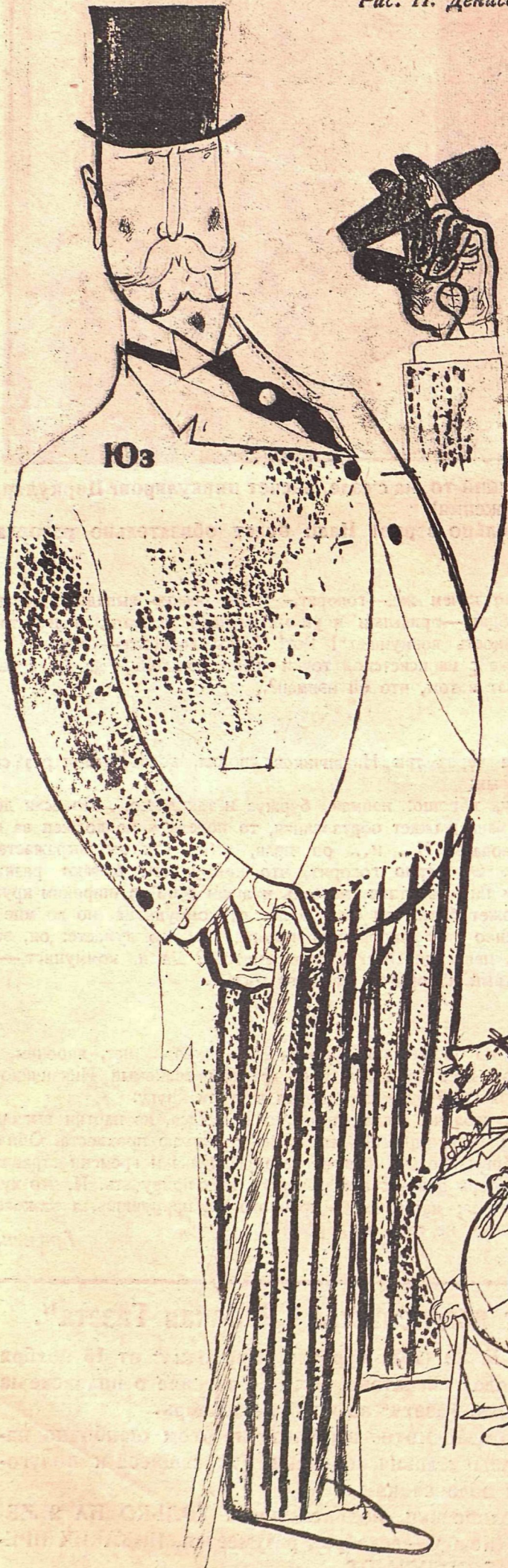
Подписчики, подписавшиеся ТОЛЬКО НА 2 МЕСЯЦА (ноябрь — декабрь), разумеется, НИКАКИХ ПРЕМИЙ НЕ ПОЛУЧАЮТ.

По плану Даусса, составленному Америкой и поддержанному германскими металлургами, железнодорожная сеть Германии переходит в собственность стран-победительниц. Железнодорожники увольняются тысячами.

Многие эмигранты посещают посольство, стремясь выехать на родину. В Париже говорят, что нынешний политический сезон будет „советским“.

Из газет.

Рис. Н. Денисовского.

Парижская мансарда.. Убогая обстановка.. Какой-то бывший „его высоко-не-перескочишь“ готовится идти в посольство и советует со своей супругой:

— Пуговицы, Мари, надо, пожалуй, отпороть... Ведь они—с ордами..
— Я бы, Анатоль, не посоветовала тебе надевать сюртука!—возражает жена.—Это им напомнит о твоей старой службе.. Лучше бы что-нибудь современнее. Как они там ходят? В этих, как их.. в блузах, что ль..

— Какой кошмар!.. В блузе!—ужасается „превосходительство“.— Однако.. где же я ее возьму?

— Да.. Это верно.. И шить не на что.. Иди уж в этом. Только пуговицы, конечно, другие нашью.. Хотя брючные, у меня других нет, но что же делать?.. О, мой бог!

— Хорошо бы, Мари, галстук красный надеть..
— Что ты, Анатоль? Ведь не идет к сюртуку..
— Зато идет к посольству!.. Дай-ка, там где-то орденская лента валяется.. так я ее вместо галстука и повяжу!..

* * *

У ворот полпредства—целый хвост жаждущих получить пропуск в СССР.

Какой-то эмигрант, по наружности и по манерам похожий на бывшего пристава, вспомнил старину и распоряжается:

— В затылок, господа! Осади на тротуар! Эй, куда прете без очереди?!

— А что, Красин принимает?..— спрашивает кто-то в затасканной визитке и брюках в сапоги.

— Много захотели, товарищ тайный советник!..— иронически возражает „пристав“.—Не угодно ли к седьмому секретарю обратиться?..

— Да мне-то и седьмой секретарь даст, а вот вам-то придется повыше хлопотать, да и, пожалуй, не пустят..— ехидно бросает по адресу „пристава“ визитка.

— Знаете, как сделать, чтобы беспрепятственно пропуск получить?..— шушукается одна эмигрантка с другой.

— Как? Как? Скажите ради бога!..

— А вот как.. Когда будете подходить к ихнему чиновнику, то потихоньку про себя „Интернационал“ напевайте.. Говорят помогает!

* * *

А та часть эмигрантщины, которая не хочет ехать на родину, занята совсем другим.

— Слышали?.. „Мед русс“.. Русская мода во всем будет!.. Я уже заказываю у мадам Кошон туалет „а-ля-сарафан“!..—говорит мадам Фитюлькина мадам Трещоткиной.

— А я—„а-ля-панева“!.. А мой Серж бриться пока перестал: бородку „а-ля-Красин“ отращивает.. Мода, говорит, теперь такая будет!.. „Дернье кри“!.. Последний крик!..

Ф. Благов.

— А что, дядюшка Юз, ловко нам удалось опутать сетью наших рабочих!

1. Все для рекламы.

Новые папиросы, выпущенные Ленинградским табачным трестом. Папиросы называются „Октябринка“, и на коробочке их нарисована крестьянская девица с папироской. Говорят, что скоро будут выпущены папиросы с изображением курящего младенца под названием „Дети — на не будущее“. Старайся, трест — синдикатом будешь!

2. НАШ ПАНОПТИКУМ.

ПЕРЕГОНИМ ДЕШОВЫЙ ХЛЕБ ЧЕРЕЗ СКОТКУ

И ЭТИМ УЛУЧИМ СВОЕ БЛАГОСОСТОЯНИЕ.

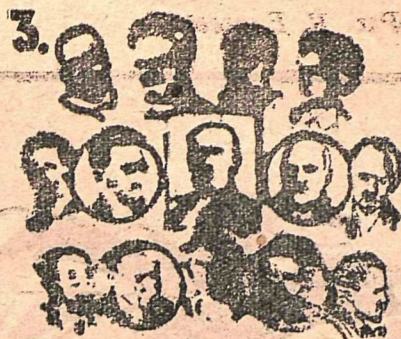
2. Лицом к деревне.

А — вот это лозунг, который был рово загнута. „Крокодил“ не понял, расклеен по гор. Новгороду и губернии в „День Урожая“. Очень здо-

Дорогие товарищи крокоры и худкоры!

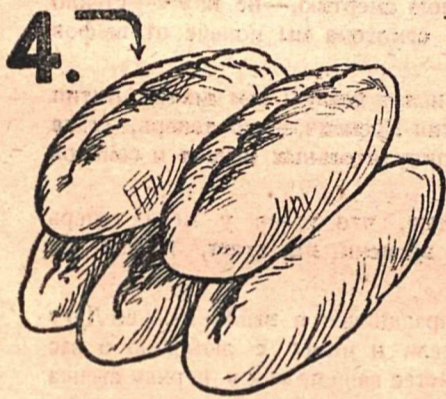
„Паноптикум“ — это вроде как бы музей, выставка. Здесь выставляются для всеобщего сведения предметы, свидетельствующие о том, что где-то что-то неладно. Так и знайте: ежели где что неладно — волоки в Паноптикум.

Самое замечательное в „Нашем Паноптикуме“ следующее: каждый экспонат выставляется одновременно в двух местах. На страницах „Крокодила“ — во первых. И, во-вторых — с места службы. Впрочем, второе необязательно, если экспонат раскается, исправится и обещает больше в „Наш Паноптикум“ не попадать.

3. Шутники в Вятке.

Загадочная картинка, опубликованная в юбилейном октябрьском №-ре „Вятской Правды“ под названием: „Вожди Октябрьской революции“. Читателю, угадавшему фамилии изображенных здесь вождей, будут высланы бесплатно специальные очки для чтения этой газеты.

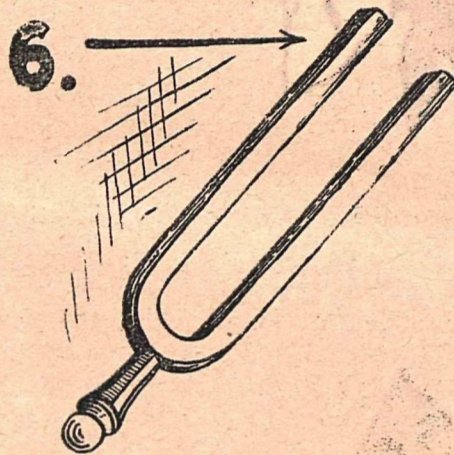
4. Маленько засиделся.

Пяток французских булок, которыми заправляется секретарь рабочкома при союзе Коломенского завода, т. Капырин, на каждом заседании. Он говорит, что до такой заправки работать не способен. А про него говорят, что он и после заправки не способен. За два годика на него насмотрелись.

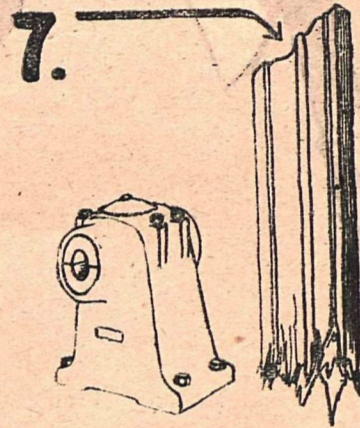
5. Все для всех.

Нательный крестик, который может купить каждый желающий в магазине ЕПО в гор. Котельниче. Очень энергичное ЕПО — оно хочет даже на этом поприще перегнуть частного лавочника. Скоро будет торговать самогонкой собственного производства.

6. Сбавить тону камертону.

Обыкновенный камертон, которым задает тон регент церковного хора в м. Дулеве, Моск. губ. С. С. Дерягин. Одновременно уважаемый гражданин задает тон в фабричном кооперативе, магазином которого заведует. Стаж у него большой — в прежнее время заведывал, единственным в Дулеве, собственным магазином. Видать, хороший регент: с кем-то спелся.

7. Не механик, а вроде химика.

Кусок дверного косяка, о который разбил себе нос дежурный механик Мариупольской электростанции Василий Колесников, возвращаясь после отлучки на базар. Вдали виден подшипник, который расплавился у газомотора № 2, пока Вася гулял по базару и давил по маленькой. (А Вася — партийный).

„ЗВЕЗДОЧКА“

(ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ).

„Комиссия одного Губоно обследовала в губернии детские дома и нашла их в состоянии полной запущенности. Детские дома существуют без „руля и ветрил“. Никакого руководства. Материальное положение детдомов чрезвычайно низкое. Оборудования никакого. И при нынешнем составе детдомовских питомцев, среди которых не редкость и семнадцатилетние парни — полутораршинные койки не пригодны к росту питомцев“. (Из доклада комиссии).

„Дорогие товарищи-редакторы! не откажите в помещении в газетах ваших, что вышеупомянутая „Звездочка“ есть детский домик в уездном нашем городе Спялюйске. И помещается эта „Звездочка“ в самом центре Спялюйска — на базарной площади.

Домик — не более — двухэтажный и с „удобствами“, из коих первейшее — пивнушка в нижнем этаже.

В верхнем же этаже питомцы детдома размещены. Тут они вольницей проживают, а также казенный хлебушко пожевывают.

Питомцы не так, чтобы очень малые, ну росту — сажонного, а коечки для них предоставлены младенческие в один аршин. Так и приходится малюткам в три погубели свертываться... Вообще бедность: папирос детдомовские младенцы по нищенству не потребляют, — больше „махрой“ пробаваются и с неослабным вниманием каждодневно осматривают клеевое изображение на стенке в смысле обнаженной красавицы балерины. Нравится малюткам эта красавица, и улыбаются они промеж себя с одобрением и словами:

— Бабец подходящий!

Еще на другой стенке „Звездочки“ цветной буквой начертано изречение про любовь, каковая „смерти сильнее и страха смерти и только ею, только любовью и держится и движется жизнь“.

Нежные эти про любовь слова трогают неоднократно, и до слез, заведующую домом Анну Филипповну, каковая есть девица сердечной чувствительности, что выражается вздохами.

На вздохи заведующей заявляется некто — молодой человек средних лет, делопут по служебной своей специальности. И очень он Анну Филипповну, витым своим почерком, обвораживает, окончательно же обольщает песней на гитаре со словами: „Не надолго счастья... промелькнется и как сон“ В результате чего обольститель, после сумеречного заката, оставляется при заведующей на ночлег с поцелуем.

А младенцы детдома от зависти в Анны Филипповны счастье корчутся на койках, а тот возлюбленный делопут утречком, не желая подавать предмет зависти, обращается к младенцам с дипломатией:

— Какого вам, дети, гостинцу желательно?

И дети на его в один громкий голос:

— Подари нам, дянька, шут с тобой — самобрейку!

Народец потому все, хоть и младенческий, ну — небритый и бодовый.

В нашем Спялюйске, прямо я скажу, от подобных детдомовских младенцев уже многие новые младенцы рожденные и очень дряхлый спялюйский старичок, Федор Иванович Черных, впавши на седьмом десятке лет в детский возраст, вот уже второе подает заявление в „Звездочку“ и, с младенческим приветом, просит зачисления в питомцы. Ответу нету.

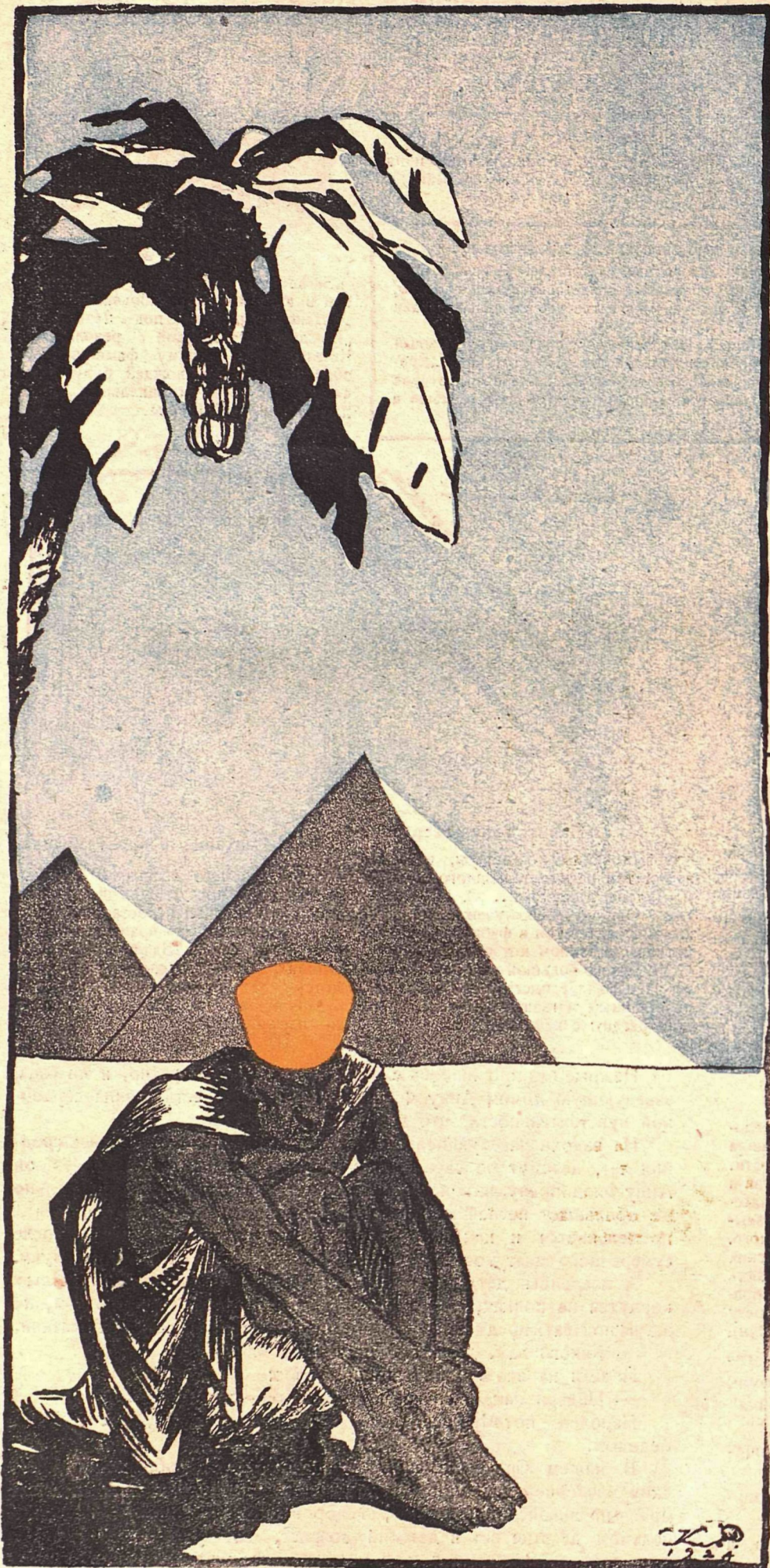
Ответу на его никакого не получается, и Федор Иванович, очень огорченный, рассуждает:

— Я слабенькой, я хиленькой и для мене уход требуется... И что же? Вместо меня здоровых бычков призревают. Что это? Разве справедливость?!

И в Спялюйске у нас такое есть мнение, что б лучше погаснуть таковой детдомовской „Звездочке“, чем ей таковой существовать. Не свет от таковой „Звездочки“, а копоть одна.

Л. Митницкий.

Рис. К. Елисеева.

— Как жаль, что Болдуин—не Моисей... Он вывел бы тогда свой народ из Египта.

ТЕАТРАЛЬНОЕ.

Провинциал в Москве — перед театральной кассой:

— Дайте мне, пожалуйста, два билета на „Лебединое озеро Люль“.

В пьесе „Кадриль с ангелами“ почти непрерывно танцуют фокстрот. Не правильнее ли было бы назвать эту пьесу „Фокстрот с ангелами“?

— Товарищи, так же нельзя, надо, чтобы у нас здесь инструменты в чистоте содержались.

— А что, разве начальство какое-нибудь ожидается?

ПРАЗДНИЧЕК.

„Во многих соседних деревнях по большим праздникам не пройти по улицам,—стон стоит от разгула и хулиганства. Но хуже всего это то, что часто и сами местные власти принимают участие в пьянке и этим роняют себя почем зря“.

Из писем селькора.

„В СЕЛО МАЛЫЕ КУХАРКИ.

Любезному предсельсовету Максиму Хромову
ОТ СОСЕДА ПИСЬМО.

И еще кланяюсь вам достолюбезный кум наш Максим Онуфрич и шлем вам, в общем и целом, с любовью niskий поклон и еще сообщаю, что рыжий телок, который от вас по соседству на развод присланный, волей божией в одночасье помер поносною смертию,—не иначе—стекло заглонул, как посуду от самогона мы нонече от шефов разных прятали.

И во первых строках шлют поклон вам деверь Антип и Кузя-братан и Кискенкин Еремеич,—что теперь, слава дурману, с городу из принудительных вышел и самогон уже по научности гонит.

И при том еще сообщаю, что делов у меня теперь полна пазуха, так что и времени нехватает, пушай уж лучше себе лежат.

И еще извещаю, что праздничек в нашем Козьем Лугу мы очень прекрасно отвели и много с любовью о вас жалели, особенно о геройстве вашем, как у церкви стенка на стенку строжились, потому что без вашего соучастия мне полвеника бороды при сем выдрали и многих, в общем и целом, изувечили.

А веселились мы страсть и честь честью, особенно после молебствия, где я по званию должен был присутствовать, для наблюдения за опиумом, чтобы он не чичирк,—и честью честь в приятной беседе время проводили очень вежливо а при нас три ведра хлебного, да изюмки, да свекольной, да картофельной столько же присутствовало. И все выпито вакурат, но скорую помощь опившимся оказать не смогли, за тою причиною, что вся медсанчасть, в лице фельдшера, в общем и целом, в сенях к вечеру разложилась.

Но, однако, честь честью, для праздничка и фультуру не забыли и, даже, спектакль было сыграли тятре нашем, да только сгорел он чево-то к вечеру, видно, огня заронили с градусом, а пожарная часть тоже акарачках ползла и к пожару поспеть не могла. Но все же занялись мы тогда физкультурой и всякое состязание устроили и наши ребята шестерых гороховских извостяли до точки, а Акиму Косых голову на бок свинтили, да Микешке, да Саньке хромому, знатную грыжу ислелали, пожалуй, и не подымутся. И еще так веселились, что стекло без сче а побили, и цифири нехватит считать, а девки да бабы, все как есть, от веселости нашей в подполье заховались, по причине своей несознательности, и три дня там сидели.

Но, а к полночи до того все дошли, что с казенного дому, где есть Совет, мало мало и крышу посняли для души развлечения и так разгулялись, что хоть к властям придерживающим обращаться за защитой, но только куды-ж мне было обращаться, коли сам я третий день никак не опомнюсь и, опять же, борода никак не выравнивается, все наискось.

А за сим шлем вам с роднею niskий привет и соседский поклон и еще остаюсь к вам с любовью, в общем и целом

Нога Опанас.

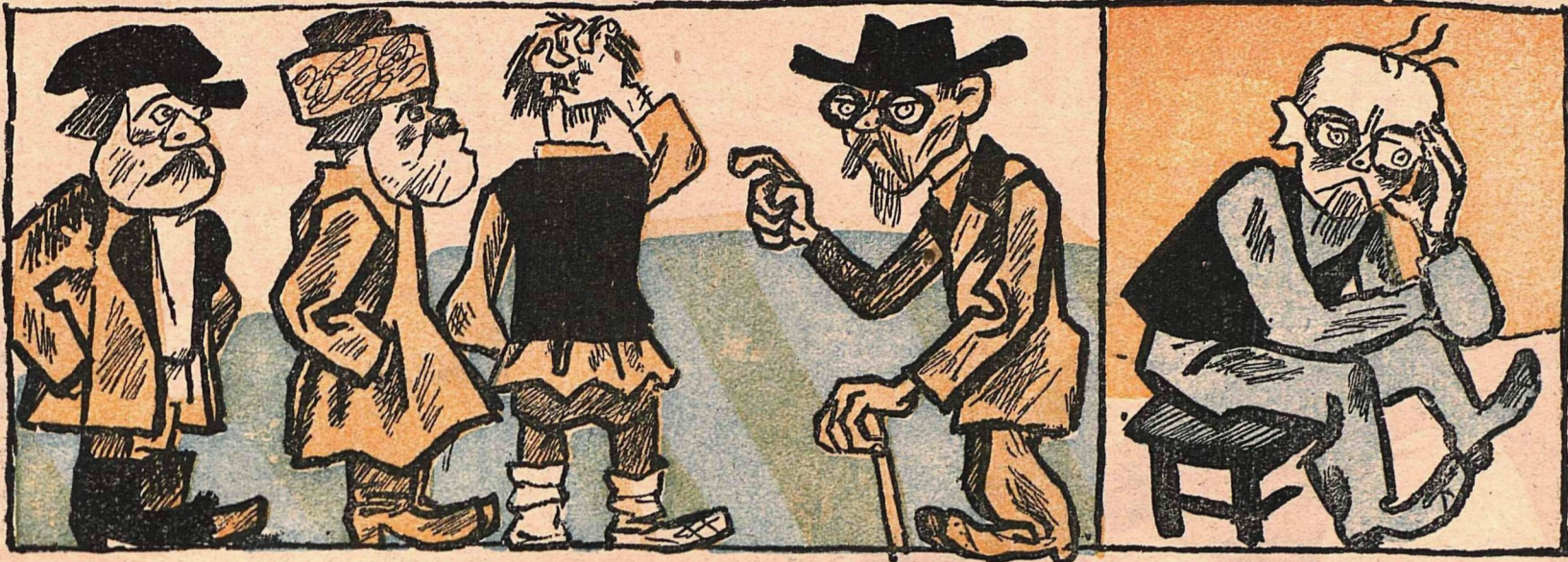
Предсельсовета Козий Лог.

А за его малограмотностью

расписался Леонид Саянский“

СКАЗКА О ХИТРОМ АГРОНОМЕ И О НЕРАЗУМНЫХ МУЖИКАХ.

Рис. Ив. Малютина.

1) Появился червь на крестьянских полях. Загрустили мужики—испугались неурожая. И вот приходит к ним агроном и говорит:—„Я вам помогу. Я человек ученый, всякую науку произошел“... А мужики и говорят ему: „Чего суешься.. Неурожай от бога, а наука от большевиков, которые в бога не верят... Не хотим твоей науки!“

2) И пошел агроном домой и загрустил. Очень уж ему хотелось мужикам помочь...

3) И вот однажды приходит к мужикам старик, старый-престарый, и говорит:—„Я, говорит, колдун... Слово такое знаю от червя.“ Обрадовались мужики и стали просить колдуна спасти их от неурожая.

4) И вот велел колдун мужикам взять по лопате,

5) выйти рано утром в поле, стать спиной к лесу и сказать: „Трах-та-ра-рах, чук-чук!“ (Это слово такое у него было.) А потом хорошенько окопать поле, перепахать его, очистить от сорных трав, газом покурить, и еще велел что-то, чего уже и не упомяну. Работа закипела.

6) И, вправду, хлеб уродился хорошо. Пришли мужики благодарить колдуна, а он бороду снял, и все увидели, что колдун—он и есть агроном.

ЭТО СКАЗКА. НО И БЫЛЬ ТАКАЯ БЫВАЕТ.

Рис. Н. Денисовского.

— Запросил я с ее четыре червенца. А отдал за шешнадцать рублей.
 — Что же как продешевил?
 — Ничего не продешевил. Себе-то товар стоит рупь с четвертью.

В КООПЕРАЦИИ СЧАСТЬЕ.

(Сов.роман.)

„Кооперация обращается в проходной двор, через который частный торговец бесконтрольно забегает в госпромышленность... Одна из многолавок, закупив в тресте партию товара в кредит, перепродала всю партию частным полуоптовикам за наличные.

„Правда“.

1.

Надо знать—и знать „на ять“:
 Счастье в чем? В кооперации!
 Я берусь вам доказать
 Это самое «на ять»
 И притом—без агитации.

2.

Жил-был зав. При нем—жена
 С головою златоудрою...
 Раз, в обед, ему она
 Говорит: «Твоя жена
 Не должна ходить лахудрою!»

3.

Зав на это: «Раб-кредит
 Мне дадут в «Кооп-Доверии»...
 Но супруга говорит:
 «Что дадут на раб-кредит?
 Барахла, а не материи!»

4.

«Мне же нужно «Либерти»...
 Это—только в частных водится,
 Потому что—где ж найти
 В кооп-лавке «Либерти»,
 Мать святая благородица!..»

5.

Зав тогда дал три «червя»,
 Губы вытерев салфеткою,
 И сказал, душой кривя:
 «Что за важность три «червя»
 По сравнению с милой деткою?»

6.

Было это в среду, в три.
 А в четверг торгош старательно
 Завше клялся: «Шик Пари!..
 Так, денечка через три,
 Получаем обязательно!»

7.

И в четверг же, вечерком,
 Он на ту же тему прения
 Завершал с оптовиком:
 «Так в субботу, вечерком?..
 —«Ясно. Будьте без сумления!»

8.

А на утро оптовик
 Говорит с «Кооп-Доверием»:
 «С метра процент не велик,
 Ну, дыть, я же оптовик:
 Мы другою мерой меряем...»

9.

«Надо скинуть!»—говорит,
 На упорство вздохом сетуя..
 «Вам опустит трест в кредит,—
 Деньги счетом,—говорит,—
 Вам кладу об место это я!..»

10.

Ну-с... Денечков через пять
 (А возможно, что и ранее)
 Завша—в лавочке опять.
 «Вот-с... Четыре сорок пять!
 Не товар-с,—очарование!»

11.

«Нет-с, дешевле не найти...
 Вот, попроще не хотите ли?
 Что-с?.. Такое «Либерти»—
 Да в гославках чтоб найти?..
 Да угоднички ж святители!..»

12.

Ну, а где же тут роман?..
 Подождите. Все условия
 В заголовке—не обман:
 Будет, будет вам роман,
 Но нельзя ж без предисвия!

13.

Он обещан мной не зря,
 Но.. зачем же нетерпение?
 Ведь, «Уроки Октября»
 Тоже писаны не зря;
 Всюду надобно введение!

14.

Был при заве юный зам...
 Завша, нос присыпав пудрою,
 Предстает его глазам
 В полном блеске. Видит зам:
 Завша ходит не лахудрою!

15.

И.. забились их сердца
 От волнения и от счастья.
 А затем... Но про сердца
 Не твердить же без конца?
 Не маслак по этой части я...»

16.

Тут и точка. А мораль—
 Вот, без всякой агитации:
 Современна ли, стара ль,
 Но понятна всем мораль:
 Счастье—лишь в кооперации!

Н. И—в.

В комнату редакции, где под аккомпанимент пишущих машинок, за десятком столов, заваленных корреспонденциями, работали согнувшиеся спины, вошел высокий, худощавый, седой бородой, человек с валенками на ногах и с бляхой на груди.

— Здравствуйте, где бы насчет эфтого поговорить?

— Насчет чего?

— Да вот, на газету пожаловаться хочу. Вошедший неторопливо снял кожаную рукавицу, с шумом прочистил в кулак обе ноздри, выбросив содержимое на пол, и полез в карман. Он вытащил скомканный номер газеты.

— Да вот, прочтите...

Сотрудник редакции пробежал глазами указанное место.

— Да что тут — театральное извещение?!

— Нет, не то.

Повернув несколько раз газету вверх и вниз ногами, он начал читать:

„Замоскворецкий райсовет закрыл пивную лавку какого-то толстосума на углу Зацепского вала и Озерковской Набережной. На ее месте теперь кооператив кожевников“...

— Ну!

— А эта пивная была Загребаев. А я самый Загребаев и есть.

— Чего ж вы хотите?

— Так вот, значит, выходит, меня толстосумом обозвали, а я пролетариат, дворник на Зацепе.

— Как так, вы же пивную держали?

— Да не я — Загребаев.

— Вы же Загребаев и есть.

— Загребаев-то Загребаев, да не тот. Тот мне и родичем совсем не приходится.

— Чего ж вы пришли?

— Так меня толстосумом в газете обозвали. Ну, я хочу, чтобы пропечатали, что я не того, не токмо...

— Не вы же пивную держали?

— Не я то, не я, а все же Загребаев. Меня и думают.

Сотрудник редакции опять прочел заметку.

— В заметке же даже фамилии нет.

— Да что в том, все равно знают.

— Да я ж вам говорю, что в заметке фамилии нет!

— А все, ведь, знают, что пивная-то Загребаева.

— Не ваша же!

— А все же Загребаева.

Слушавший, сначала спокойно, сотрудник редакции вышел из терпения:

— Уходите, не мешайте работать!

— Сейчас. Так я у вас вот насчет того просить хочу, чтоб пропечатали, что, мол, я Загребаев не толстосум, а пролетариат — дворник.

— Уходите, не мешайте.

— Что ж, уйтить-то уйду, а все же безобразия напечатали. Я в самом деле пролетариат есть, а они толстосумом обозвали! Так что на меня пальцами тычут: твою штоль пивную закрыли? А какая она моя, когда я двадцать лет дворником служу...

— Уходите... Не мешайте!..

— Ухожу, а только пролетариата истинного толстосумом обозвали. А еще газета называется!

Эрге.

Рис. Н. Куприянова.

— Расступись, народ, — крестьянская курица идет!

РАДИО — ВОЙНА.

(По документам эпохи).

Документ № 1.

ТОЧНАЯ СТЕНОГРАММА РАЗГОВОРА В ТРАМВАЕ.

— Это что у тебя еще за значок?
— Друзей радио, что ли...
— Да ты чего в радио-то смыслишь?
— Я-то ничего, а местком вот — взял рубль, да и вычел...

Документ № 2.

ЗАЯВЛЕНИЕ ЖИЛЬЦА КВАРТИРЫ № 23 И ДРУГА НАУКИ, КУЗИНА ДМИТРИЯ В ДОМОУПРАВЛЕНИЕ.

„Стремясь с младых пор к культуре и ввысь и, к тому же, живя на седьмом, прошу разрешить мне установить любительский радио для всестороннего развития моего индивидуума, для чего нужна палка, а также проволока, сиречь антенна и нарушение соседской стены у ответственной с'емщицы.“

Дмитрий Кузин, друг детей, добροхима и радио.

НА ЗАЯВЛЕНИИ РЕЗОЛЮЦИЯ.

„Ото всей полноты с муниданной мне власти разрешаю, представив свидетельство от оспы. Управдом номера 195 — Семен Шишкин.“

Документ № 3.

РУКОПИСНОЕ ОБЪЯВЛЕНИЕ НА СТЕНКЕ, РЯДОМ С КУХНЕЙ В КВАРТИРЕ № 23.

„После Октября убираться за вами некому и прошу лучше воду спускать после всякого действия, чем радиоглупостями заниматься, как некот рые.“

Ответ с'емщица Дода Иванюк“.

На углу объявления дискуссионная надпись карандашом.

„Попросил бы без намеков. Я молчу, что у вас блондин безбумажного вида третий день по ночам существует!“

Дм. Куз...

Документ № 4.

ОЧЕНЬ СРОЧНО, ЖИЛЬЦА Д. КУЗИНА — ЗАЯВЛЕНИЕ.

„Прошу пролетдомопразление оградить меня от эксцессов и выпадов с'емщицы Иванюк, коя вешает исполнее на мою антенну, нарушая стыдливость и радио-волну. А также печет лук на примусе, заражая весь кислород.“

Документ № 5.

ЗАПИСКА; ПОДБРОШЕНА СНИЗУ ПОД ДВЕРИ. ОРФОГРАФИЯ ПОДЛИННАЯ.

„Милостив. Государь, а впрочем свиня. Я не посматрю что вы член, а я девушка и вдова, а как шаркну вас по всем проволокам так узнаете как мне дырки сверлить и начами подглядывать!“

ОТВЕТ НА ОБОРОТЕ.

„Я сверлю себе штепсель, а вы чисто верблюд по ногам и уму. Не таких я видал по ночам! Хал!“

Документ № 6.

ГРАЖД. ДОДЫ ИВАНЮК. ЖАЛОБА.

„А еще сообщаю по секрету что Кузин Д. просто сомнительный тип и заткнув уши трубками вдаль, слушает и азартный игрок на гитаре и даже электричество у него подмигивает, а родители его все до единого дегенераты по сведениям. За дуру же привлекаю особо.“

Документ № 7.

ЗАМЕТКА ИЗ ВЕЧЕРНЕЙ ГАЗЕТЫ. ОПЕЧАТКИ СОХРАНЯЮТСЯ. ДОПРЫГАЛСЯ!

Сегодня в семь вечера вспухнул пожар в доме... в квартире № 23 от замукания провода освещения к котор. жилец Кузин Д. И. самодельно пристроил любительский радио-приемник. Пострадала одна переборка и отчасти хозяева.

Документ № 8.

ПРИКАЗ ДОМУ № 195.

Исходя из случая катастрофы впредь запрещаю всякие аппараты, как-то радио и антенны, микрофоны и граммофоны, а также игру на гитаре и ночевку без вида блондина и др. мастей. Управдом Семен Шиш — (росчерк).

Документ № 9.

ОТРЫВОК ИЗ УМНОЙ СТАТЬИ.

...Но прежде чем вовлекать в свои ряды широкие массы, Обществу Друзей Радио хорошо бы познакомить своих, часто случайных сочленов, с сутью, законами и свойствами радио, но отнюдь не научными статьями, а популярными брошюрами и т. д. ...

К сему от души присоединяюсь автор и друг

Леонид Саянский

1924. Декабрь.

ДЕЛОВОЙ ЧЕЛОВЕК.

(Обыкновенная история.)

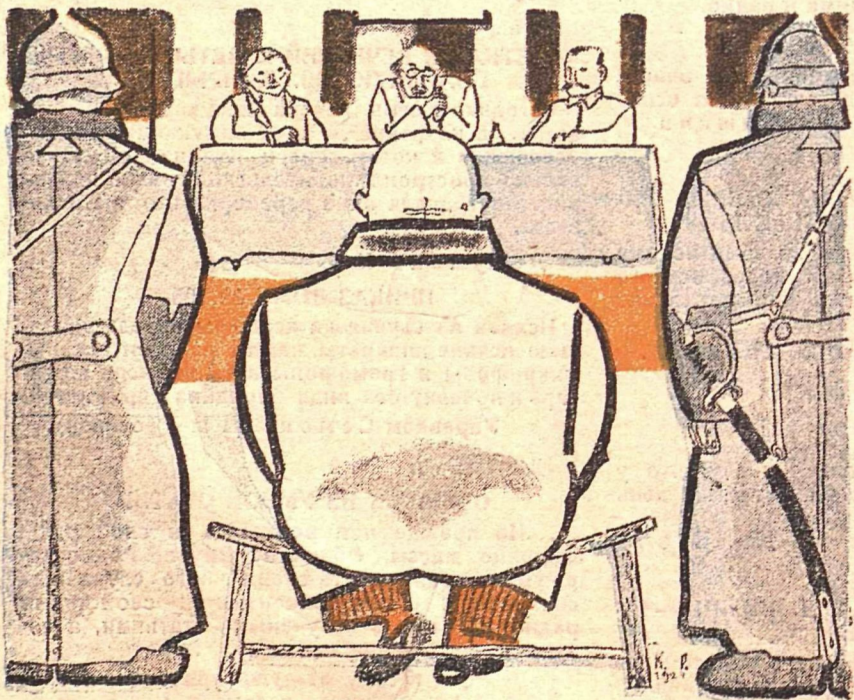
Рис. К. Ротова.

Дела Епишкина.

Делишки Епишкина.

Дело Епишкина.

ЛО Р Д К У М.

„Англия связана с Египтом и многими другими колониями узлами дружбы и даже родства“.

Из „Таймса.“

В Египет Керзона поклонны
Принес посол в часы „победы“:
— Мы—братья. В ши фараоны
Всем нашим „фараонам“—деды.
Так не бушуйте же самумом:
Я прихожусь Египту... кумом!

Посол за косу взял китаида
И молвил, с нежностью великой:
— Я здесь—клянусь печенкой зайда!—
Имею право стать владыкой.
Не удивляйся, тупо глядя:
Ведь сам Конфуций был мой... дядя!

Посол, по Африке кочуя,
Арабу рек: Селям аллейкум!
У вас халифом стать хочу я.
Итак, за мной иди смелей, кум!
Знай, попадешь ты в рай за это:
Ведь я—племянник... Магомета!

Поймав индуса и тибетца,
Посол промолвил им при этом:
— На нас должны вы опереться
И нашим следовать советам.
Причины для этого есть груды:
Мой дед женат на тетке... Будды!

Посол явился к готтенто ам
И тайну важную им выдал:
— Склонитесь ниц пред реди готом!
Ведь Болдуин—священный идол.
К тому ж—предайтесь мигом пляске!—
Мой дед женат на папашке!*

И на родство такое глядя,
У нас решили сотни Ванек:
— Собаке он паршивой—дяди,
Свинье и волку он—племянник!
Так надо „родственнику-лорду“
Всем коллективно... плюнуть в морду!

Красное Жало.

СОЗНАТЕЛЬНЫЙ ЭЛЕМЕНТ.

— Помилуйте, товарищ, какой же я несознательный элемент: два раза судился, оба раза сознался.

Ц. С.

БОРЬБА С ОКТЯБРЕМ.

„Европе не избежать своего октября“.

Когда миллиардер Корнтейль прочел эту фразу, на лбу у него мгновенно заблестели крупные капли пота.

Человек действия—он сказал своему секретарю:

— В субботу, в три, соберите у меня лучших метеорологов Франции, Германии и Англии. Не стесняйтесь расходами. Мы еще посмотрим!

В субботу, в три, кабинет Корнтейля представлял из себя странное зрелище. Он был набит людьми, из которых некоторые были одеты в трусики, а некоторые в тяжелые меховые шубы, в зависимости от тех представлений, которые каждый из них составил себе относительно предстоящей в данном месте, в данный день погоды.

— Здесь написано,—сказал Корнтейль,—„Европе не избежать своего Октября“. Я этого не хочу. Она тоже,—кивнул он на дочь.

С предложением выступил светило германской науки, профессор Криппс.

— Октябрь,—сказал он,—является одним из месяцев года. Особенно типичен Октябрь в России. В ней, в течение этого месяца, погибает множество буржуазных функций. Современная наука, однако, обладает достаточными средствами для того, чтобы устранить из календаря столь нежелательный период времени. Идя навстречу вкусам мисс,—улыбнулся он в сторону дочери Корнтейля,—я предлагаю установить на земном шаре постоянную весну.

Так как возражений не последовало, совещание на этом было закрыто.

В конце сентября того же года дочка мистера Корнтейля вбежала в кабинет своего отца, со связкой весенних цветов.

— Папочка! Это—чудо!—воскликнула она.—Осень отменена. Весна в полном разгаре! Пролетариат зазеленел от безработицы! Как хорошо, папочка!

ЭТО НАЗЫВАЕТСЯ: ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ ПАЦИФИЗМ.

Рис. Ю. Ганфа.

Довольный Кортейль потрел по щеке свою любимую дочку.

На следующий год, в это же время, Кортейль беспокоенно спрашивал свою дочь:

— Тебе не холодно в летнем платье?

— Холодно? — вскричала она. — Открой же окна! На дворе установился вечный май! На почве голода начал набухать мо одняк! В Италии поют фашистские соловьи! Разве можно сидеть в комнатах в такую погоду?

Еще через год Кортейль вышел сам посмотреть на работу своих метеорологов.

— Хе-хе! — добродушно смеялся он. — Действительно, — пора лю-ви. Даже французское железо лезет на германский уголь! Рабочие на что мало лирический народ, но и между ними завязываются многочисленные связи. Отовсюду слышен шепот признаний!

И, действительно, в природе творились чудеса. Под влиянием весеннего климата парламенты начали распускаться по несколько раз в год!

Однако, вскоре Кортейль обрушился на своих метеорологов:

— Шарлатанство! — вопил он. — Кустарничество! Болезнью моей дочери я обязан вам, чорт побери! Эти бурные дни в Эстонии — ваше упущение! Чорт бы там не простудился в лесен и туалете! Где вы видали весной с всем пожелтевших социал-демократов и накатанные дороги коммунизма?

— Пусть они продолжают свои ухищрения, но ты, — обратился он к сыну, — изволь сшить себе на всякий случай демисезонное пальто! Да, да! Такое же, как у вятя Корзона! Кто шьет? Одна только фирма — Эррио и Ко. Марш!

В. Авиллов.

Каждая держава говорит: Я согласна разоружиться! Но пусть сначала он разоружается.

ВИАЛЫ В БОК

У. С. С. Р.

ГУБЧАНСКИЙ СЕЛЬСОВЕТ

Грицевского района,
Шепетовского округа
на Волыни.

10 октября 1924 г.
№ 762.

Удостоверение.

Дано сие гр. села Губчи Куприяну Прокоповичу Паличуку в том, что он продажей самогона никогда не занимался и также не занимался до сего времени выгонкой самогона, а что касается теперешней выгонки самогона им, то, по его словам видно, что он приготавливался к свадьбе, что сельсовет удостоверяет.

Вр. исполняющий
обязанности Пред-
сельсовета Деренчук.

Пред. сел КНС Малышко.

За секретаря Цесарюк.

Удостоверение, как удостоверение. Только не видно, как губчанский сельсовет борется с самогонщиками. Темно...

ДОРОГОЕ НАЧАЛЬСТВО.

На собрание рабочих центрального подвала № 1 Севказвинтреста, что находится в гор. Ростов н/Дону по Темерницкой ул., № 94, предправления Лавров, бия себя в грудь, произнес:

— Товарищи! В ознаменование 7-й пролетарской годовщины СССР общаю выдать подарки—мужчинам по одной куртке на вате, а работникам по ситцевому платью.

Хорошо.
И вдруг... В четверг 5-го ноября, когда выдавали рабочим жалованье, зав. подвалом Дмитриев удержал по 2 рубля у каждого рабочего.

— Почему? На каком основании?

— Товарищи! Спокойствие. Завтра все узнаете... И на следующий день, после доклада предправления Лаврова о 7-й годовщине встает Дмитриев и преподносит "дорогому" начальству кожаный портфель с серебряной монограммой от "благодарных" рабочих... Лавров так растрогался "вниманием", аж заплакал... Еще плакали рубли рабочих. Больше никто... остальные ругались.

ПО МЕЛОЧАМ НЕ БЕСПОКОИТЬ!

Начиная с какого возраста человек может заболеть серьезной болезнью? Казалось бы, что болезнь не считается с возрастом, а вот врач приемного покоя при ст. Пермь 1-я Смоленская держится на этот счет особого мнения.

Заболели жена и ребенок рабочего Шпагинских мастерских т. Колчанова. В приемный покой при ст. Пермь 1-я больная пойти не могла.

Вызвал т. Колчанов врача на дом. Явился врач, Смоленская. И сразу заявила:

— Зачем меня вызвали для такого маленького ребенка!

И ушла, не оказав помощи.

— У маленького ребенка не может быть большой болезни!—собразила она.

А почему же такой маленький человек, как гр. Смоленская, может быть такой большой... уж и не знаем, как тут деликатнее выразиться?..

ХОРОШИЙ СОВЕТ.

„Красная Татария“ печатает такое объявление:

ПРЕЖДЕ ЧЕМ СНЯТЬСЯ,

зайдите в фотографию управления УГОЛОВНОГО РОЗЫСКА,

ТАМ ВАМ покажут массу РАЗНЫХ образцов.
Чернышевская (б. Воскресенская) д. 8, рядом с почтой.
ТЕЛЕФОН 3—29

Гм... Благодарим за совет!

ЖЕНУ ЗАМУЖ ВЫДАЛ.

Вот как укрываются нэпманы от налога. Один торгош развелся с женой, перевел на нее все имущество, а чтобы финансисты не могли тут чего-нибудь заподозрить, он, не долго думая, выдал свою жену за кума замуж. Но... кум, спасая имущество своего приятеля, не ограничился одной только регистрацией в ЗАГСе, а воспользовался всеми правами супруга. Разведенный торгош взбеленился и набил куму рожу.

Что один нэпман другому жене уступил—это не удивительно. Но на что он обиделся? Или о цене не сторговались?

Так не давай такого товара в кредит—вперед наука!

ПАРОВОЗЫ ГУЛЯЮТ.

Дело происходит на Ижевском заводе. Надо поставить на Пойму вагон со связями. Требуют паровоз. Но паровоз попадаете какой-то гулящий:

Паровоз приходит, зацепляет вагон и ведет его до Гольянских ворот. Контролер без пропуска не пропускает. Паровоз отцепляет вагон и уходит обратно на Пойму.

Через полчаса приходит человек с пропуском на погруженный вагон. На пропуске, как на грех, нет печати. Человек идет около двух верст ставить печать.

А там, глядишь, на пропуске подписи не окажется—гуляй назад, а потом—номера кто-нибудь не поставил—гуляй еще раз и, как говорится в поговорке:

— Все гули-гули, а глядишь, и в лапти обули...

СЦЕНА ПОД ТРАКТИР.

У рабочих Михеевского лесопильного завода (Рыбинский уезд, Ярославской губ.) с 1922 г. был народный дом.

Хозяин завода—Александрово-Пустыньское потребительское общество—сломав в народном доме сцену и сдал его местному кулаку под трактир.

Спасибо, товарищ! Хорошо догадались! Теперь будет вам, где чайку испить.

Только на вывесочке не забудьте проставить: „Трактир для кооператоров“.

Заслужили ведь!

РЕЗОЛЮЦИЯ НА РЕЗОЛЮЦИИ.

На заводе имени Свердлова, на ст. Растяпино, за пользование казенной лошастью взимается 30 коп. Порядок взыскания этой „суммы“ таков. Ездил один из служащих клуба. Заводоуправление пишет в клуб отношении с просьбой удержать 30 коп. за подписями врид, управляющего завода, зам. врид. пом. управляющего завода по хозяйности и с подлинным верно: управделами. На отношении кладется резолюция: „Главбуху, принять“; главбух пишет: „Финрасчетодел выписать ордер“; финрасчетодел выписывает приходный ордер в кассу завода: „удержать с такого-то 30 итого 30 коп. согласно отношения управляющего заводом“ за подписью главбуха и бухгалтера; „означенную сумму получил казначей такой-то“.

„Крокодил“, поддери их хоть на одну вилу.
— И на одну не поддери. Не хочу с дураками связываться.

ПРОЕКТ „КРОКОДИЛА“.

На Балашинской фабрике имени Рыкова (Московский уезд) простор поповскому дурману.

Клубный хоровой кружок однажды предпочел петь в церкви, а не в клубе.

Отец Иван свадьбы, похороны, всенощные в кредит поет. Рабочие должны ему около 30 червонцев.

Осталось этому полу вывеску заказать и в „Известия“ объявление послать. „Крокодил“ проект его составляет и первым у себя помещает:

Всем, всем, всем!

Ниде, кроме, как у нас на амвоне!
Всякие требы на всякий выбор!
Свадьбы, похорны, крещения,
Пасхальные и рождественские песнопения,
Широкий кредит рабочим!
На год рассрочка.
Цены без запрета!
Божьей милостью убедиться просим!

С почтением к вам

Отец Иван.

Эх! А еще имени тов. Рыкова!
И не стыдно?

ИЗ АРХИВНЫХ РАСКОПОК.

Недавно учеными найден документ: „Слово Алая Дудентьевича про заклад Москвы“. Приводим выдержки из этого документа:

— Чадо наше любиво братие: тферьска, владимерьска, новхоротска, кузьмодаманска и прочая, вкуче и вочпе. Жалованную грамоту, вкуче реку и любивым дань приносяща, приемлюща, славяща.

Первый камень кладу на берегу, другой про себя берегу, онный волружаю, бысть здесь обильну урожаю, граду Москве, престольну, обильну прикутищу.

Первый кол колочу,
Стучу,
Вгоняю в болото,
(Вот то-то!)
Бысть на месте сем граду стоящу
И речь настоящую
Вящу веселящу
Вам предрекаю, братия,—владимерьска, тферьска, новхоротска.

На онном месте бысть Кремлю стозвонну, звонном звенящу, за стеной—оградой камня дикого споженну, огороженну. И звон будет катиться без мало сто сот лет—месяцов, и погаснет звон к любви и миру людей. Так-то лыком покрыта, карявая, хахрявая, удельна-беспредельная, пити брагу люта-тая Русь!

А онный камень колочу
И стучу
Вгоняю в болото
(Вот то-то!)
Бысть здесь Охотку ряду
И в онном ряду
В 1922 году

заведется невиданный, непривиданный—имя ему „Крокодил“—зверь востр, пестр, вилы на боку, на онные будет сажать, нечестивцев водружать (подожидите дрожать! перестаньте ржать!), на онные будет неправедников сажать, угрожать, пужать и масло жать, главным образом—буржуазию.

А чтобы в опалу не впасть, не упасть и в пасть не попасть, надо, братие, чадо любивы, тферьска, костромска, новхоротска и прочая, не пасовать, а коллективну подписку в нос „Крокодилу“ совать, он сие ублажает, становится ласковым, люто добрым.

Вот мой сказ на этот раз
И даю такую приписку: несите коллективную подписку на „Крокодила“, чтобы все в порядке было.

А достал эту грамоту из Архива на Ваганьках Кузьмы Дерюгина правнук—

Роцин Кузьма.

ЛЮБВЕОБИЛЬНАЯ КУХАРКА.

„Не без добрых душ на свете“, сказал когда-то поэт Некрасов. Добрые души и до сих пор не выводятся на „святой“ Руси:

В октябре открылась у нас (г. Рогачев) военная столовая. Штат набран не через союз нарпит.

Взята кухарка, известная спекулянтка, содержавшая раньше столовую и до последнего времени имевшая лавочку, в то время, когда в союзе есть безработные. около года щипщце работы.

Завхоз полка заявил представителю союза, что кухарка работает из любви к красноармейцам (!) безвозмездно (!).

Прямо герой любви! И что ж поделаешь—любовь не картошка, не выбросишь за окошко. Думаем, что союз нарпит, наконец, поймет это и не станет больше беспокоить завхоза и его любвеобильную кухарку.

СПЕЦЛАПТИ.

Жалуются рабочие Егорьевской красильно-наоивной фабрики.

Вместо полагающейся по колдоговору спецобуви, заводоуправление выдало спецлапти.

Работать в веревочных лаптях, нельзя: полезешь на горячие барабаны, а они с ног сваливаются. Того гляди без ног останешься.

(Красный Путь).

А останешься без ног, заводоуправление спецходули выдаст!

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на „РАБОЧУЮ ГАЗЕТУ“

с 1-го января 1925 г. по 1-е октября 1925 года.

Все советские учреждения считают отчетный год с 1-го октября по 1-ое октября. ПОРА ГАЗЕТАМ ПРИНЯТЬ ТАКОИ ПОРЯДОК. Поэтому „Рабочая Газета“ объявляет подписку на 9 месяцев—с 1-го Января по 1-ое октября. „Рабочая Газета“ попрежнему выходит в 5-ти изданиях.

<p>2 1-е издание. БЕСПЛАТНЫЕ ПРЕМИИ №№ 1 и 2. Цена 40 коп. в месяц.</p>	<p>„РАБОЧАЯ ГАЗЕТА“</p>	<p>Бесплатные премии „Рабочей Газеты“</p>
<p>4 2-е издание. БЕСПЛАТНЫЕ ПРЕМИИ №№ 1, 2, 3 и 4. Цена 1 рубль в месяц.</p>	<p>1) „РАБОЧАЯ ГАЗЕТА“. 2) „КРОКОДИЛ“ еженедельный сатирический журнал.</p>	<p>1) ТАБЕЛЬ-КАЛЕНДАРЬ на 1925 г. 2) ХУДОЖЕСТВЕННАЯ КАРТИНА. 3) ПОРТРЕТ тов. КАЛИНИНА. 4) ПОДАРОК „КРОКОДИЛА“ — „АЛЬБОМ БЕЗБОЖНИКА“.</p>
<p>5 3-е издание. БЕСПЛАТНЫХ ПРЕМИИ №№ 1, 2, 3, 4 и 5. Цена 1 р. 55 коп. в месяц.</p>	<p>1) „РАБОЧАЯ ГАЗЕТА“. 2) „КРОКОДИЛ“. 3) „ЮНЫЕ СТРОИТЕЛИ“ 2-нед. жур. для дет. 4) „РАБОТНИЦА“ 2-нед. жур. Женотд. ЦИ РКП.</p>	<p>5) КАРМАННЫЙ ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ АТЛАС, заключающий 16 географич. карт с пояснительн. текстом. 6) Памяти ЛЕНИНА. Иллюстриров. сборник 7) 1905 г. юбилейный иллюстриров. сборник. 8-9) 2 КНИГИ.</p>
<p>5 4-е издание. БЕСПЛАТНЫХ ПРЕМИИ №№ 1, 2, 3, 4 и 5. Цена 1 р. 70 коп. в месяц.</p>	<p>1) „РАБОЧАЯ ГАЗЕТА“. 2) „КРОКОДИЛ“. 3) „ЭКРАН“ 2-недельный литер.-худож. журнал. 4) „ХОЧУ ВСЕ ЗНАТЬ“ ежен. популяр.-науч. жур.</p>	<p>Названия книг будут опубликованы в ближ. время</p>
<p>9 5-е издание. БЕСПЛАТНЫХ ПРЕМИИ №№ 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8 и 9. Цена 2 р. 35 коп. в месяц.</p>	<p>1) „РАБОЧАЯ ГАЗЕТА“. 2) „КРОКОДИЛ“. 3) „ЭКРАН“. 4) „ЮНЫЕ СТРОИТЕЛИ“. 5) „РАБОТНИЦА“. 6) „ХОЧУ ВСЕ ЗНАТЬ“</p>	<p>Продолжается подписка на ежемесячный иллюстрир. журнал ДЛЯ МАЛЕНЬКИХ ДЕТЕЙ „МУРЗИЛКА“ с бесплатными приложениями Цена 40 коп. в месяц.</p>

КТО ПОЛУЧИТ ПРЕМИИ?

Премии будут высланы только тем подписчикам, которые подпишутся на „Рабочую Газету“ и будут получать ее НЕПРЕРЫВНО с 1-го января 1925 г. до 1-го октября 1925 г. Лица, не подписавшиеся с 1-го января, вышеуказанных ПРЕМИИ НЕ ПОЛУЧАТ.

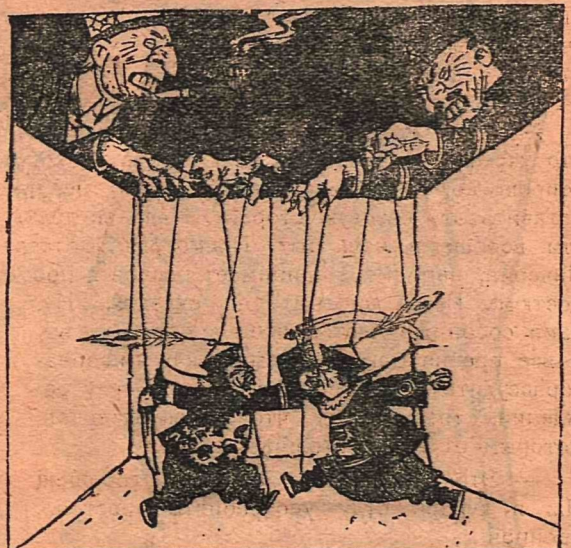
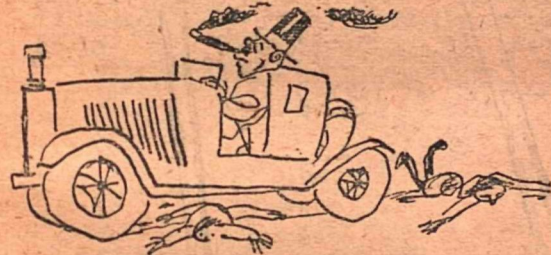
Подписка принимается в Москве: Главная контора „Рабочей Газеты“, Охотный ряд, 7. в провинции: по всех отдел. „Рабочей Газеты“ и во всех почт.-телегр. отд. СССР Заказы и деньги адресовать: Москва, Охотн. ряд 7. „Рабочая Газета“

НЕМНОГО ИНОСТРАННОГО ЮМОРА.

ПОЛИЦИЯ ЗА ДЕЛОМ...

СТРАШЕН СОН.

ИГРО КИ И...

Уличные катастрофы учащаются... Чего смотрит полиция? Где она?

Как представляется английским консерватором русская комсомолка.

их китайские игрушки... „Кладерадатч“ в ЛОНДОНСКОМ ТУМАНЕ.

У полиции более важные дела. Она мобилизована на вечеринку коммунистов.

НАУЧНЫЕ ИЗЫСКАНИЯ.

— При моих раскопках в Греции я нашел проволоку. Это означает, что у древних греков был телеграф. А я при моих раскопках в Египте не нашел проволоки. Это значит, что у древних египтян был беспроволочный телеграф.

— Послушай, Мери... Я уже нашел дорогу... Идем домой!

37

1892

СОЗНАТЕЛЬНЫИ ЛЫЖНИК.

Рис. Ю. Ганфа

— Давайте, Елена Николаевна, завернем в деревушку, выпьем чайку. Завтра в местное можно сказать, что мы поддерживаем связь с деревней.